

УДК 821.162.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/10

ОТОБРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ БЕЩАДСКИХ И БЕСКИДСКИХ ЛЕМКОВ- РУСИНОВ В ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДЖЕЯ СТАСЮКА

О. Веретюк

Жешувский университет

Польша, 35-310, г. Жешув, аллея Тадеуша Рейтана, 16 С

E-mail: oksanaw@ur.edu.pl

Авторское резюме

Известный польский писатель Анджей Стасюк первым в польской литературе поднял щепетильный для официальных властей вопрос выселения лемков-русинов с их автохтонных земель, Лемковщины, в 1944–1947 гг. Стараясь быть верным исторической правде, писатель дает художественное изображение самого процесса этнической чистки и его последствий. Цель настоящей статьи – показать и проанализировать это на примере избранных произведений Стасюка.

Ключевые слова: Стасюк, лемки, выселение, художественное отображение, историческая правда, идентичность.

THE HISTORICAL TRAGEDY OF THE LEMKOS-RUSINS OF THE BESKIDS AND BIESZCZADY MOUNTAINS IN ANDRZEJ STASIUK'S SELECTED PROSE

O. Weretiuk

University of Rzeszow

16 C Tadeusz Rejtan alley, Rzeszów, 35-310, Poland

E-mail: oksanaw@ur.edu.pl

Abstract

Andrzej Stasiuk, a famous Polish writer, was the first in Polish literature who raised a very sensitive issue of the the Lemkos' resettlement from their autochthonous lands, Lemkivshchyna, in 1944–1947. Trying to be faithful to historical truth, the writer gives an artistic image of ethnic cleansing and its consequences in pro-communist Poland. The article aims at showing and analyzing Stasiuk's vision of the issue in his selected works.

Keywords: Stasiuk, Lemkos-Rusins, resettlement, artistic image, historical truth, identity.

Известный польский писатель Анджей Стасюк первым из прозаиков поднял щепетильный для официальных властей вопрос выселения лемков-русинов с их автохтонных земель, Лемковщины, в 1944–1947 гг. Стараясь быть верным исторической правде, литератор дает художественное изображение самого процесса этнической чистки и его последствий. Цель настоящей статьи – показать и проанализировать это на примере избранных произведений Стасюка.

Исследовательница исторической Лемковщины замечает: «Вопросы территории Лемковщины, этнонима, этногенеза, вероисповедания, этнической идентичности и культурной самобытности [лемков] и сегодня порождают многие разногласия на уровне научного и научно-популярного дискурсов, а интерпретации самых лемков часто диаметрально расходятся; неоднозначны они также по отношению к концепциям (впрочем, тоже неоднозначным) польских, украинских и лемковских ученых» [40: 63]¹.

Анджей Стасюк, воссоздавая лемковский мир в своих произведениях, скорее всего, опирался на польские источники. Довоенные исследования польских этнографов во главе с Романом Рейнфуссом очертили восточную границу региона Лемковщины вдоль долины рек Ослава и Лаборец на запад от реки Сян. Последними лемковскими деревнями были Солинка, Щербанувка и Жубраче. Далее на восток жили бойки. Западная же граница совпадала с долиной реки Попрад, опиралась об Остурние (Osturnia, Словакия) и Русь Шляхтовскую (четыре села в долине Грайчарек: Бяла и Чарна Вода, Яворки и Шляхтова (Польша)) [26: 252–253; 27: 6–13]². Таким образом, историческая Лемковщина находится по обеим сторонам Карпат, охватывая часть Бескида Сандецкого, Бескид Низкий и западную часть Бещад. Собственно, так и определяет их Стасюк, называя «остатками Старой Руси от Буга и Сяна по Шляхтову и поток Грайчарек» [36: 12].

Что касается русинов, живущих к югу от главной арки Карпат, то ни их окружение, ни они сами не идентифицировали себя с лемками.

Соответственно, польские историки тоже определяли их просто как русинов. Однако в прошлом все они были, вероятно, частью той же валашской миграции, которая населяла обе стороны Западных Карпат и давала возможность всему населению поддерживать тесные взаимные контакты и называть себя не только лемками и русинами, но и лемками-русинами. Лемки как этнографическая группа формировались на протяжении длительной этнической и культурной интеграции [28: 29–44]. Такими предстают они в прозе Стасюка, где нескрываемы его авторская фантазия, ирония по отношению к исторической правде и собственной «легенде»: «Мне всегда нравилось представлять лемков как странствующих людей. Я закрывал глаза и воссоздавал их путешествие в пространстве и времени. Под веками мне была видна цепь Карпат <...>. Я видел, как они веками шли с Балкан, гоня свои стада. Может быть, с Родопов, а может быть, аж из Албании. Как знать? В конце концов, албанское *bjeshkë*, или "гора", очень похоже на наше "Бескиды". <...> Я представляю их как кочевых, свободных и, возможно, даже полудиких людей. Без родины с четкими границами, но необыкновенно одомашненных в карпатском пейзаже. Когда вы смотрите на мир сверху, с горного хребта, с перевала, границы теряют свое значение. Просто смотрите на волнистую линию горизонта, и это она – самое главное. Особенно в те времена, когда границы были нечеткими, меняющимися и охранялись с малой эффективностью. Мы даже не знаем, сколько времени занимал их путь. Они прибыли в местность, скажем, в XIV веке. По пути они притягивали части других народов, как магнит металлические частицы»³.

Очень похоже, что неутомимый путешественник, в то же время ценивший одинокую, изолированную жизнь на природе, Стасюк внимательно читал Романа Рейнфусса, считавшего, что бескидские лемки восходят к XIV в., когда «валашские пастухи прибыли с Балканского полуострова через Седмиград, кочуя по южным склонам Карпат» [28: 37], смешавшись с русинскими земледельцами, заселявшими регион между реками Попрад и Ослава, и «процесс этот был завершен в основном к концу XVI в.» [27: 12], очевидно, не без смешения с польскими жителями этого региона [27: 11–12; 28: 41].

Этноним «лемки» в галицийской научной литературе использовал священник, писатель и филолог Йосиф (Осип) Левицкий (пол. Joseph Lewicki) в предисловии к своей грамматике (*Grammatic der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien*. Przemyśl: Gedruckt in der greich. kath. Bischöflichen Buchdruckerey, 1834, 271 с.)⁴. Гелена Дуць-Файфер замечает, что в южной стороне Карпат ранее, в 1820 г., его использовал Ян Чаплович [2: 16], словацкий адвокат (вел дела, связанные с украинско-закарпатскими владениями графа

Шёнборна) и этнограф. Данное русинам насмешливое прозвище (от чересчур часто употреблявшегося ими в речи слова «лем», т.е. «только», «но»), позже утвержденное в научной литературе и публицистике, это название распространилось в среде самих русинов / руснаков, особенно в среде горного населения польской части Бескид и Бещад (а значит, на территориях, часто описывавшихся Стасюком). Со времени перелома XIX и XX вв. до периода между Первой и Второй мировыми войнами название «лемки» приобрело политический и отчасти религиозный смысл [22: 15; 40: 65], потеряв свое предыдущее пероративное значение. Описываемых Стасюком бещадских и бескидских лемков иногда называют галицийскими. Так, например, Ричард Кастлер использует термин «галицийские лемки» («Galician Lemkos») для дифференциации населения лемков, проживавших на северных склонах Карпат – на юго-востоке Польши (бывший крайний юго-запад Галиции), от того же населения с южных склонов Карпат [1: 81].

А. Стасюк, проживавший недалеко от словацкой границы и часто навещавший соседей, словацких русинов, акцентирует внимание не на отличиях их друг от друга, а на общности их культурного наследия и исторических судеб. Описывая «два музея, расположенные в ста трех километрах друг от друга» («dwa muzea leżące od siebie w odległości stu trzech kilometrów») [34: 139], Энди Уорхолла в словацких Медзилаборцах (недалеко от села Микова, края родителей художника) и музей Никифора в польской Крынице, он открывает русинско-лемковские корни звезды поп-арта словацкого иммигранта Андрийка Вархола и те же родственные корни известного крыницкого художника Никифора, собственно лемка Эпифания Дровняка. Прозаик объединяет их распространенным в Польше этнонимом «лемки»: «Наиболее известные лемки в мире», «несомненно, два самых больших, каких породила лемковщина», «два странных брата» [34: 138–140]. И все же в центре его художественного внимания – лемки, проживавшие на польской стороне.

В настоящее время некоторые польские лемки считают себя отдельным этносом, некоторые – украинской субэтнической группой. В Польше теория о карпаторусинской нации, населявшей обе стороны Карпат (области сегодняшней Закарпатской Украины, польскую Лемковщину и Северо-Восточную Словакию) носит ограниченный характер, имея сторонников в самом крайнем юго-западном регионе. Пытался представить ее, например, Богдан Горбаль. Признавая полисемию этнонима «русин», варьирующую в зависимости от идеологической ориентации носителя значения, он отнюдь не скрывал своих прорусинских взглядов.

Для сторонника русофильской идеологии означало бы одно – русского человека [4: 10–11]. Для последователя украинской идеи – историческое название украинцев, которые тоже когда-то назывались русинами. И, наконец, для сторонника национальной русинской идеи это подтверждение слов народного будителя Александра Духновича: «Я был, есть и буду русином» [4: 10].

Бескидских и бещадских лемков Стасюк воспринимает как одно целое – лемков-русинов. Они исповедовали христианство восточного ритуала (греко-католики и православные), пользовались восточно-славянским языком (о «происхождении лемковского диалекта» см. подробнее: [37: 101–106]) и кириллицей, в языковом отношении были наиболее близки к украинцам, но многое взяли и от словацкого и польского языков. До 1944 г. численность лемков, проживавших компактно в Польше, составляла от 50 до 150 тыс. чел.: «...к концу 30-х гг. число греко-католиков и православных (или лемков) было равно 130 121» [2: 8]. По данным переписи национальных меньшинств в Польше, проведенной в 2011 г., 10 тыс. граждан объявили себя лемками⁵. Вопрос о национальной идентичности лемков всегда вызывал споры среди историков, социологов, филологов и антропологов. У самих лемков тоже были и есть проблемы с их этнической и национальной идентификацией. Двусмысленность национальной принадлежности лемков нередко становилась причиной конфликтов, трагедий в семьях, селах и церквях. «Начиная примерно с конца XIX в., русинская и украинская идеологии стали пересекаться и противостоять друг другу на земле лемков. Украинские идеологи утверждали, что лемки – это украинцы с очень низкой национальной осознанностью, тогда как русинские считали их ветвью русинского народа, отличного от украинского» [11: 11]. По словам Ярослава Моклака, это «ускорило процесс политического самоопределения среди лемков. До начала мировой войны обе ориентации сталкивались, внедряя свои программы во всем регионе» [17: 15]. После распада Российской империи (1917) и Габсбургской монархии (1918) польский и украинский народы, жившие в Галиции, боролись за свою национальную независимость и создание новых национальных государств. Конфликт интересов привел к началу польско-украинской войны. На фоне этих событий появляются два недолго просуществовавших лемковских государства – Лемко-Русинская Республика (с ее русофильской ориентацией и намерением объединения с Советской Россией) и проукраинская Команчанская Республика на востоке Лемковщины, «планировавшая объединиться с Западно-Украинской Народной Республикой, но была ликвидирована поляками 23 января 1919 г. во время украинско-польской войны» [4: 44, 120–121; 29: 505].

В межвоенный период у лемков было несколько конкурировавших политических ориентаций [19: 27–32]. Ярослав Моклак следующим образом определяет конкурировавшие лемковские политические организации различных ориентаций в Польше в 1918–1939 гг.: «...старорусы, москвофилы ["Moscophiles"] и активисты национального движения» [18: 35–59, 83–104]. Лемки в Польше и по сей день придерживаются двух разных направлений: украинского и карпато-русинского. В сознании поляков «лемко очень часто воспринимается как украинец» [12: 274; 13: 8].

Стасюк, похоже, не углубляется в сложные идеологические и политические переплетения этнической идентификации лемков. Для него они предстают как самобытная культурно-историческая целость. Его всецело поглощает трагедия уничтожения бескидских и бещадских лемков. В результате насильственной депортации в конце Второй мировой войны и после нее большинство из них были переселены со своей исторической родины в УССР (около 70 тыс. чел.) и разбросаны по северо-западному региону Польши (около 40 тыс.) [9: 1; 22: 24].

После окончания войны было официально объявлено, что в новой Польше не будет места национальному угнетению. Тем не менее польское правительство рекомендовало, чтобы украинцы переселялись в Советский Союз для блага как поляков, так и украинцев, поскольку таким образом можно было бы устранить конфликты между ними [5: 135; 6: 9]. Еще до окончания войны, 9 сентября 1944 г., Эдуард Осубка-Моравский и Никита Хрущев подписали соглашение об эвакуации украинцев из Польши и поляков из Украинской ССР. «Согласно этому соглашению, переселение должно было быть добровольным» [38: 155], «решающим критерием было вероисповедание» [20: 27–30], но в лемковских селах советские и просоветские органы весьма активно убеждали население согласиться на переселение. Часть лемков уступила коммунистической агитации и «в самом начале этой акции добровольно переселилась в Советскую Украину» [14: 41]. После войны выселение лемков приняло принудительный и негуманитарный характер.

Акція «Wiśła» (операция «Висла» 1947–1950 гг.) стала кульминацией процесса изгнания лемков из их домов и целенаправленного уничтожения их этнической принадлежности, т. е. окончила этническую чистку. В конце войны несколько подразделений УПА сражались на Лемковщине. Часть лемков поддерживала УПА и ОУН, но другие были далеки от идеологии: они помогали всем, кто нуждался в их поддержке, или были вынуждены помогать в то опасное время (именно такими изображает их Стасюк). В Польше лемков традиционно считали ветвью украинского народа, а в 1946–1947 гг. польские

власти воспринимали всех лемков как поддерживавших украинских националистов. В операции «Висла» невинных гражданских людей, украинцев и лемков (оказавшихся на украинской стороне польско-украинского конфликта), заподозренных в оказании помощи украинскому подполью, насильно выгоняли из их домов, загоняли в транспортные фургоны и вынуждали переселяться в среду враждебно настроенного против них польского населения, которое воспринимало их как украинских националистов, врагов. Основная цель этой кампании состояла в том, чтобы переселить их отдельными семьями, рассредоточив по всей возвращенной Польше северо-западной территории (из которой немецкие жители только что бежали или были изгнаны), где они были вскоре ассимилированы поляками. Как отмечает Марек Ясяк, «польское военно-административное решение украинской проблемы на практике было не чем иным, как сталинским подходом к этнической политике» [7: 175]. К сожалению, эта политика была поощрена и одобрена польскими жителями. По словам Мисило, даже в Западной Лемковщине, где активность УПА была незначительной, а польско-украинский конфликт практически отсутствовал, местные поляки поддерживали решение правительства о депортации лемков и не сочувствовали своим соседям [16: 20]. В середине 1947 г. весь регион был опустошен, т. к. лемки были разбросаны по северным и западным территориям Польши.

Последствия депортации были тяжелыми и для украинцев, и для лемков. «Они были рассеяны среди польского населения практически без следа и, как правило, приходили с пустыми руками <...>, не получая компенсации за оставленные ими землю и имущество» [38: 169]. Горстка лемков вернулась в свои заброшенные дома в Низких Бескидах и Бещадах в годы политической оттепели. К концу 1950-х гг. «около 2 000 из них смогли вернуться в свои родные Карпаты» [27: 132], преодолев различные препятствия экономического и политического характера⁶. Небольшие группы вернулись позже, но большинство лемков остались вдали от дома. Депортация оставила трагический след в памяти изгнанников. Их мир исчез безвозвратно.

Пудло отметил «отсутствие лемковского вопроса» в польской науке и прессе до 1956 г. [23: 351] и очень малое наличие исследований до 1987 г. [22: 8]. Начиная с 1987 г. появляются печатные материалы – научные, научно-популярные и культурно-просветительские, представляющие проблемы выселения лемков, а также прослеживающие возрождение лемковской культуры⁷.

Литература, в отличие от истории, представляет вымышленное изображение событий, но очень часто она достаточно ясно иллюстрирует историческую реальность. Анджей Стасюк (родился

в 1960 г. в Варшаве), один из всемирно известных современных польских писателей⁸, был, пожалуй, первым польским автором, поднявшим вопрос выселения лемков в своей прозе в начале 1990-х гг. и развивавшим его в своих дальнейших произведениях. В 1986 г. он покинул столицу и поселился в маленькой деревушке Чарне на прежней Лемковщине, в Бескидах. В настоящее время он живет в Воловце, в пяти километрах от Чарне. Сейчас в Воловце есть нескольких десятков ферм, церковь (теперь православная, раньше – греко-католическая) и кладбище с надгробиями. С самого начала своей уединенной жизни на новом месте он столкнулся с живописной землей, пережившей трагические события. Позже в книге «Wschód» («Восток», 2014) он описал это сдержанно, но выразительно: «В восемьдесят шестом я жил в деревянном доме в безлюдном месте. <...> Солнце взошло с темного склона. Оно поднималось выше и сияло над этой пустынной землей. Над могилами и придорожными крестами. <...> Над скелетами церковных куполов. Над останками»⁹.

В повседневной жизни писатель всегда был обеспокоен трагедией автохтонов своего приемного дома. В своем особом стиле – импрессионистском, образном, фрагментарном, часто наполненном магией и иронией – Стасюк пытался воссоздать процедуру депортации лемков в ярких и конкретных деталях. Как было замечено критиком и переводчиком его книги, Стасюк «умеет шутить с жанром. Совершенно осознанно он переплетает мемуары, рассказы о путешествиях и о природе с примесью репортажа и этнографии последних дней, и все это подчиняет задумчивой дисциплине томной прозы» [8: VIII]. Такой литературный прием помог писателю произвести художественную реконструкцию исторических событий, похожую на историческую реконструкцию, ибо его герои подчиняются плану воссоздания аспектов событий 1947 г. Но план Стасюка более эмоциональный, более яркий и выразительный в деталях, поскольку действуют в нем вымышленные «живые» персонажи в «реальных» обстоятельствах. Рассказчик кажется живым свидетелем событий.

«Были крики, суета, волочение из хат, проклятия, избиения. <...> Так что никакой природы, только политика, классовая ненависть, национальная ненависть и благословение Кремлевского Людоода. С самого начала меня преследовало видение бесконечной змеи повозок, везших народ на железнодорожную станцию в Загужанах. Дом за домом, семья за семьей, деревня за деревней. На повозках были вещи (несколько часов на упаковку), маленькие дети и старики. Остальные вели скот. На хозяйстве остались куры, собаки и кошки. Деревни лета сорок седьмого, должно быть, выглядели странно: дверь скрипела от ветра, на полу лежала оставленная утварь, открытые шуф-

ляды, разбросанное зерно, пух в воздухе. Царствовала тишина, и ни из одной трубы не поднимался дым. Интересно, кто пришел первым, лисы из леса, чтобы грабить курятники, или грабители из польских деревень и городов»¹⁰.

В последних предложениях автор / рассказчик обвиняет польских соседей изгоняемых лемков в отсутствии у них сострадания и умелом использовании ситуации, реакции, поощрявшей и одобрявшей эту позорную и негуманную политику коммунистических властей.

В своем эссе «Dziennik okretowy» («Вахтенный журнал», 2000) Стасюк воссоздает жизненные перипетии переселенных лемков в форме душевного разговора со своим соседом-лемком из Чарне. Семью соседа разбросало в 1947 г. по западу Польши, а его родственники, соблазненные пропагандой, переселились в УССР. Сам он чудом избежал их судьбы. Пришелец и оставшийся в живых автохтон разговаривают мирно и доверительно, они не интересуются политикой. Похоже, они оба смирились с ситуацией, но память, личная память его соседа и коллективная этническая память лемков все еще живет. До сих пор помнят выселение старшие члены их группы, и это вызывает беспокойство поляков. История лемка полна впечатляющих, трогательных деталей. В то же время осуждаются любые этнические чистки.

«Сосед рассказывает мне о своих поездках на запад, люди там все еще живут на чемоданах, так как это немецкие дома, немецкая земля и в постелях кое-где перины все еще сохраняют протестантское тепло. То, что подарено – по крайней мере, если оно достаточно большое – никогда не становится собственным. В основном это касается земли. Особенно земли, которую перед тем забрали и вернули вместо такой же украденной. На ней висит двойное проклятие – своего и чужого страдания»¹¹.

Повествование Стасюка соответствует воспоминаниям Богдана Гамбалья о его родителях, родившихся в Чарном и депортированных в 1947 г.: «Регион Легница для моих родителей никогда по-настоящему не стал родиной, это была жизнь в изгнании» [3: 226].

Стоит напомнить, что Стасюк относится к поколению писателей, достигших совершеннолетия в годы после крушения коммунизма, и его произведения изобилуют призраками коммунистического прошлого Польши. В посткоммунистическом ландшафте он находит последствия украинско-лемковской партийной политики 1944–1947 гг. С болью в сердце автор наблюдает за опустошенными селами (Чарне, Незнаёва, Радоцина, Длуге и т. д.), где не так давно еще жили лемки. С горькой иронией он рассказывает об истории посткоммунистических реалий: «И сегодня трава покрывает контуры их [лемковских] домов, и для обнаружения признаков ушедшей жизни нужен животный инстинкт

и опыт археолога. Когда я привожу какого-то человека из Запада в эти местности и пытаюсь объяснить, что он идет по многолюдной и шумной деревне, он не может поверить, что моей истории пятьдесят, а не пятьсот лет»¹².

Повествователи сборника рассказов «*Opowieści galicyjskie*» («Галицийские истории», 1995) и прозаических зарисовок «*Dukla*» («Дукля», 1997; рус. пер. 2003) часто замечают характерные лемковские церкви, в основном разрушенные: «В то время мы сидели на холме за деревянной церковью»; «А потом прозвенел колокол в деревянной церкви» [31: 14, 47]; «Это было все, что осталось от церкви. Там, где были неф и пресвитерия, цветут кусты терновника»; «Она (церковь) рассыпалась справа от дорожки. <...> На толстых, без крыши стенах росли молодые березки, посеянные ветром» [33: 68, 86]. Деревянные лемковские церкви – это отличительная черта лемковского пейзажа. С архитектурной точки зрения, они были и остаются уникальным феноменом сакральной архитектуры¹³. Когда лемковское меньшинство было переселено, новые католические владельцы церквей, как правило, не заботились об их состоянии, некоторые позволили их разнести по частям – многие церковные памятники были разрушены навсегда. Только пять лемковских церквей сохранились и были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО за их уникальную красоту и способ постройки [24; 25]. Авторами, подробно описавшими прошлое и настоящее лемковских церквей в монументальной книге «Церкви и иконы Лемковины» (2017), являются Ярослав Гемза и Ежи Тур [40].

В напоминающих балладу, исполненных магии поэтических рассказах сборника «*Opowieści galicyjskie*» призраки бродят в руинах лемковских церквей. Среди них – духи изгнанных лемков, возвращающихся в свои храмы. Деревянная лемковская церковь стала главным героем рассказа «Место», автор которого отошел на задний план. На самом деле нет церкви. Ее разобрали по частям и отдали в музей, оставив след, названный автором «место». «Место. Это не заняло у них много времени. Два месяца. Прямоугольник из серой глиняной земли – все, что осталось. Эта голость была похожа на полосу рваной кожи в лесистом и пустынном ландшафте. Трава будет расти здесь в следующем году, впервые за двести лет»¹⁴. Рассказчик, очень похожий на Стасюка новосел в пустынном бескидском месте, шаг за шагом восстанавливает в своем воображении длительный и сложный процесс возведения храма: «От освящения этого клочка земли вплоть до рискованной операции возведения куполов на крутых наклонных крышах» [33: 38].

Яркое представление далекого прошлого переплетается с реальностью, наблюдаемой рассказчиком. Он помнит благочестие и почте-

ние, с которыми автохтон, переселенный в Советскую Украину, снова навел свою любимую Лемковщину, дом и святое место. Когда-то они, лемки, сформировали здесь особую компактную и изолированную общину горцев, для которых жажда отцовской земли, горного ландшафта, церкви была и осталась неиссякаемой. Рассказчик становится также свидетелем картины, когда парализованного старожилу привезли родственники, чтобы он попрощался со своей церковью в последний раз. Он был крещен там, а до этого его отец помогал установить новую крышу и покрыть черепицу листовым металлом в 1895 г. Это было его место и место его родственников, которым разрешили вернуться с бывших немецких территорий, правда, в соседнее село. Он рассказывал об улицах, о деревянных домиках, садах и людях, которых сейчас нет. Но они существуют в его памяти.

В рассказе «Место» Стасюк представляет две точки зрения о старой лемковской церкви, святая святых лемковской общины: этическую («ethic») и эмическую («emic»), согласно классификации Конрада Коттака [10: 47]. Человек с фотоаппаратом (может быть, турист, знаток или любитель искусства) воплощает тех поляков, которые воспринимают лемков в измерениях этнографии и культуры, т. е. извне (с точки зрения наблюдателя уникального искусства), он одобряет идею перенесения церкви в городской скansen и ее реставрации. Рассказчик же, будучи связанным с этой землей и жизнью ее прежних и настоящих обитателей, воспринимает церковь с точки зрения самых лемков, для которых она представляет собой нечто большее, чем просто достопримечательность. Она – сфера внутреннего, священного, этнического, их начало и конец. В действительности, много лемковских церквей было перенесено в новые места, в т. ч. церковь Рождества Пресвятой Богородицы из с. Ропки (Ежи Тур описал эту церковь [40: 106–107], находящуюся сейчас в Саноцком музее Польши).

Как правило, Стасюк избегает в своей прозе вопроса о польско-украинских конфликтах. Тем не менее в результате внезапных скачков мыслей, формирующих калейдоскопическую смену воспоминаний Бабки (бабушки), одной из главных героинь сборника «Orowieści galicyjskie», читателю являются ее воспоминания о послевоенной разрухе и разграблении лемковской церкви польскими соотечественниками: «Безумная толпа напирала на ворота церкви. Под ударами топоров дерево раскалывается на белые щепки и замок поддается», «грохот и крушение внутри», «сломанные остатки иконостаса тащат в снег» [33: 120].

В более поздней прозе, «Wschód», написанной девятнадцать лет спустя, автор, говоря о лемках, меняет свою тональность, речь и образность: вместо лирического, слегка меланхолического, чувствительного

рассказчика, повествовавшего нам историю о духах, появился смелый, грубый, ироничный и самоироничный в своих автобиографических размышлениях и путевых заметках автор. Не без юмора Стасюк рассказывает о себе и своих коллегах, о жестоких жерновах истории и примирении со временем. Он выражает свое сострадание к лемкам по-новому, но однозначно и определенно.

«И теперь мы грузили прилавки [пэгээровских, т. е. совхозных] магазинов и шкафы на полу столетнего лемковского дома, чудом уцелевшего в деревне, из которой исчезли все дома. Шестьдесят четыре дома исчезли, сгорели, потерялись. Пятнадцать метров, массивные, с крутыми и высокими крышами, которые должны были держать сено всю зиму для крупного рогатого скота и овец. Как перевернутые корпуса кораблей с линиями белой глины <...>. Из шестидесяти четырех остался один, и теперь мы набивали его коммунистическими реликвиями. Для справедливости мы должны были сжечь их и рассеять пепел на четыре небесные ветры над Нижними Бескидами. <...> То же самое было сделано с шестьюдесятью четырьмя домами и всеми остатками Руси от Буга и Сяна до Шлахтовы и потока Грайцарек. Но нет. Мы продолжали загружаться. Дерево и склейка были жирными от рук и вещей, пропитанные запахами и тяжелые. Жизнь вошла в них и застыла. Слои жизни: лемковщина, коммунизм, и теперь мы, потные от тяжелой работы»¹⁵.

Да, Стасюк просто рассказывает, просто описывает историю, чтобы увековечить память об исторических ошибках и содеянном зле тех, кто был обольщен коммунистическим режимом после Второй мировой войны, и тех, кто поверил в ложь. Его литературное изложение истории констатирует, что пассивно наблюдавшие за этнической чисткой лемков оказались равнодушными свидетелями медленного их разрушения как общины и уничтожения их дома, их культуры. Посвященная лемкам проза Стасюка освобождает коллективную память лемков, тем самым способствуя укреплению этнической идентичности разбросанных по миру лемков-русинов. Польский автор принимает на себя коллективную ответственность за зло, причиненное лемковскому народу.

«Сможет ли он [Бог] когда-нибудь воскресить разрушенные деревянные дома, высохшие, засыпанные колодцы и все то, к чему у нас не было пощады? Даст ли он нам еще когда-нибудь знак? <...> Я возвращался домой тысячу раз с тем же чувством, что проезжал через какую-то пустыню, и мне приходилось рассказывать истории, мне приходилось прибегать к образам, чтобы не ошибиться, чтобы добраться до места назначения. Под большим небом, с этими историями, похожими на слабые огни ночью на равнине, где дует ветер. Я больше ничего не мог сделать. Ничего»¹⁶.

Примечания

1. Здесь и далее перевод с польского, английского наш. – О.В.

2. Некоторые украинские, русские и карпаторусские ученые определяют лемковский ареал на запад от реки Уж, тем самым подчеркивая единство лемков из Польши с русинами украинского Закарпатья. Например, С. Суляк пишет: «До 1947 г. лемки населяли территорию на обоих склонах Бескид (между реками Сан и Попрад и на запад от реки Ужа» [39: 291].

3. «<...> zawsze lubiłem sobie wyobrażać Łemków jako lud wędrowny. Zamykałem oczy i odtwarzałem ich wędrówkę w przestrzeni i czasie. Pod powiekami wyświetlał mi się łańcuch Karpat, który przy odrobinie wyobraźni może przypominać coś w rodzaju ludzkiego szkieletu. Widziałem, jak idą przez stulecia z Bałkanów, pędząc swoje stada. Może aż gdzieś z Rodopów, a może aż z Albanii. Kto może wiedzieć? W końcu albańskie *bjeshkë*, czyli "góra", bardzo przypomina nasze «Beskidy»... <...> Tak sobie ich wyobrażam, jako lud wędrowny, swobodny i może nawet półdziki. Bez ojczyzny o wyrazistych granicach, ale nadzwyczaj zdomowiony w karpackim pejzażu. Gdy się patrzy na świat z góry, z grzbietu, z przełęczą, granice tracą znaczenie. Po prostu patrzy się na pofalowaną linię horyzontu i to ona jest najważniejsza. Zwłaszcza w tamtych czasach, gdy granice były niejasne, zmienne i strzeżone z umiarkowaną skutecznością. Nie wiemy nawet, ile zajęła im droga. Zjawili się w tutejszych okolicach, powiedzmy, w XIV wieku. Po drodze przyciągali do siebie okruchy innych ludów, tak jak magnes przyciąga drobinki metalu» [34: 138–139].

4. Два экземпляра грамматики находятся в Жешове: один – в отделе Пигониана Научной библиотеки Жешувского университета.

5. Перепись меньшинств (Narodowy Spis Powszechny) 2011 г. в Польше показала, что проживает 7 тыс. лемков с первой заявленной этнонациональностью и в общей сложности 10 тыс. (включая вторую заявленную этнонациональность) [21] (ср. с [13: 7]).

6. Такое же число приводит Квилецкий: «...в течение 1956–1958 гг. в общей сложности около 2 000 вывезенных лемков репатриировали» [12: 199]. Казимеж Пудло, со своей стороны, утверждает, что 6 тыс. семей лемков вернулись с 1956 г., т. е. около 3 % из пребывающих в Польше [23: 374].

7. Уже в 1997 г. Сусин Ю. Михаляски представил избранную библиографию публикаций по лемковскому вопросу за 1987–1993 гг. [15].

8. На русский язык переведены только четыре произведения: «Biały kruk» (1995; «Белый ворон», 2003), «Dukla» (1997; «Дукля», 2003), «Dziewięć» (1999; «Девять», 2005), «Noc. Słowiańsko-germańska tragicfarsa medyczna» (2005; «Ночь. Славяно-германский медицинский трагифарс», 2007).

9. «W osiemdziesiątym szóstym zamieszkałem w drewnianym domu na odludziu. <...> Słońce wstawało znad ciemnego zbocza. Wspinało się wyżej i świeciło na tę wyludnioną krainę. Na groby i przydrożne krzyże. <...> Na szkielety cerkiewnych kopuł. Na resztki» [35: 14–15].

10. «Były krzyki, biegania, wywlekanie z chałup, przekleństwa, bicie. Żołnierze w mundurach, ale tak naprawdę to wyekwipowana polowo bezpieka <...> Czyli żadna przyroda, tylko polityka, nienawiść klasowa, nienawiść narodowościowa i błogosławieństwo kremłowskiego ludojada. Od samego początku nawiedzała mnie wizja niekończącego się węża furmanek wywożącego naród na stację kolejową w Zagórzanach. Dom za domem, rodzina za rodziną, wieś za wsią. Na furkach jechał dobytek (kilka godzin na spakowanie), małe dzieci i starcy. Reszta szła, prowadząc bydło. W obejściach zostały kury, psy i koty. Wsie latem czterdziestego siódmego musiały wyglądać dziwnie: skrzypiały na wietrze drzwi, na podłogach leżały porzucone sprzęty, otwarte szuflady, rozsypane zboże, puch w powietrzu. Panowała cisza i z żadnego komina nie unosił się dym. Ciekawi mnie, czy najpierw nadeszły z lasu lisy, by bez przeszkód plądrować kurniki, czy też rabusie z polskich wsi i miasteczek» [35: 15–16].

11. «Sąsiad opowiada mi o swoich wizytach na zachodzie, gdzie tak naprawdę żyje się wciąż trochę na walizkach, bo przecież to niemieckie domy, niemiecka ziemia, a w łózkach tu i owdzie, zastawało się pierzyny jeszcze ciepłe protestanckim ciepłem. Darowana rzecz – jeśli tylko jest wystarczająco wielka – nigdy nie staje się rzeczą własną. Najbardziej dotyczy to ziemi. Zwłaszcza takiej, która wcześniej została zabrana i oddana w miejsce również zrabowanej. Cięży na niej podwójne przekleństwo własnego i cudzego nieszczęścia» [30: 88].

12. «<...> a dziś trawa kryje zarysy ich [Łemków] domów i trzeba zwierzęcego instynktu albo wprawy archeologa, by odkryć znaki niedawnego życia? <...> Gdy zabieram w te rejony jakiegoś człowieka Zachodu i próbuję mu wyjaśnić, że idzie przez ludną i gwarną wieś, nie może uwierzyć, że opowiadam historię sprzed pięćdziesięciu lat, a nie sprzed pięciuset. [Cmentarzom] udaje się przetrwać odrobinę dłużej» [30: 86–87].

13. Ежи Туп описывает несколько типов лемковских церквей, разнообразие сакральной архитектуры лемков, которое он объясняет особенностями местоположения Лемковщины, «тесными контактами двух культур – латинской и византийской и их взаимодействием» [41: 99–98].

14. «Miejsce. Bardzo szybko się uwinęli. W dwa miesiące. Pozostał prostokąt szarej, gliniastej ziemi. W lesistym i bezludnym pejzażu ta nagość wygląda jak płatek zdartej skóry. W przyszłym roku, pierwszy raz po dwustu latach, wyrośnie tutaj trawa. Albo raczej pokrzywy – one najprędzej zjawiają się w miejscach porzuconych przez ludzi» [33: 38].

15. «No i teraz ładowaliśmy sklepowe ludy i szafy na klepisko stuletniej łemkowskiej chaty, cudem przeżyłej we wsi, z której zniknęły wszystkie domy. Przepadło, rozpadło się, poszło z dymem, sześćdziesiąt cztery chałupy. Długie na piętnaście metrów, przysadziste, pod stromymi i wysokimi dachami, które miały zmieścić siano na całą zimę dla bydła i owiec. Jak odwrócone kadłuby statków z ciągnącymi się wzdłuż burt jasnymi liniami glinianej zaprawy spajającej jodłowe bale nasączone czarnym petroleem. Z sześćdziesięciu czterech przetrwała jedna i teraz upychaliśmy do jej wnętrza komunistyczne resztki. Chociaż żeby było sprawiedliwie, powinniśmy je spalić i popiół rozsypać na cztery wiatry nad Beskidem Niskim. Tak powinniśmy zrobić. Tak samo jak zrobiono z sześćdziesięciu czterema chałupami i tymi wszystkim resztkami dawnej Rusi od Bugu i Sanu po Szlachtową i potok Grajcarek. Ale nie. Ładowaliśmy. Drewno i sklejka były tłuste od dotyku rąk i rzeczy, nasiąknięte zapachami i ciężkie. Życie w nie weszło i zastygło. Warstwy życia: łemkowszczyzna, komunizm i teraz my, spoceni od ciężaru» [35: 11–12].

16. «Czy [On Pan Bóg] kiedykolwiek spojrzy na miejsca, w których żyjemy. Czy kiedykolwiek wskrzesi zrujnowane domy z drewna, wyschnięte, zasypane studnie i to wszystko, nad czym nie mieliśmy litości? Czy kiedykolwiek da nam jeszcze znak? <...> Wraciałem do domu tysięczny raz z tym samym uczuciem, że jadę przez coś w rodzaju pustyni i muszę opowiadać historie, muszę przywoływać obrazy, by nie zbłądzić, by dotrzeć do celu. Pod wielkim niebem, z tymi opowieściami, które są jak wątłe ognie w nocy na równinie, gdzie wieje wiatr. Nic więcej nie mogłem zrobić. Nic» [32: 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Castler R.D.* Rusyn Movement among the Galician Lemkos // Richard D. Custer (ed.). *Rusyn-American Almanac of the Carpatho-Rusyn Society* 2004–2005. Pittsburgh, Pennsylvania: 2005. P. 82–92.

2. *Duć-Fajfer H.* Literatura łemkowska w drugiej połowie lat XIX i na początku XX wieku. Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2001. T. VII. 415 s.

3. *Gambal B.* Ruska Bursa wróciła do życia // Marek A. Koprowski (ed.). *Łemkowie. Losy zaginionego narodu*. Zakrzewo: Replika, 2016. S. 217–238.

4. *Horbal B.* Działalność polityczna Łemków na Łemkowszczyźnie 1918–1921. Wrocław: Alboretum, 1997. 190 s.

5. *Hryhor M.* Nerozwiązana ukraińska problema v Polshchi // *Annals of the Word Lemko Federation*. Vol. II / ed. by John Hvosda (Ivan Hvozda). Camillus, New York: World Lemkos Federation, 1975. P. 134–152.

6. *Huk B.* (Гук Богдан) Історія // Наше Слово. 2008. № 34. С. 21–24.

7. Jasiak M. Overcoming Ukrainian Resistance: The Deportation of Ukrainians within Poland in 1947 // *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948* / eds by Philipp Ther, Ana Siljak. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 173–196.

8. Johnstone B. Translator's Introduction // Andrzej Stasiuk. Dukla, trans. and introduction by Bill Johnstone. Champaign, IL: Dalkey Archive Press, 2011. P.VIII.

9. Kaczyński A. Łemków miało nie być // *Życie Warszawy*. 22–28 sierpnia 1991. S. 1, 3.

10. Kottak C. *Mirror for Humanity: A Concise Introduction to Cultural Anthropology*. New York: McGraw-Hill, 2006. 400 p.

11. Kroh A., Drożdżik P. *Lemkowszczyzna / The Lemko Land*. Text Antoni Kroh. Photoes Piotr Drożdżik, trans. Magdalena Iwińska. Olszanica: Bosz, 2006. 192 s.

12. Kwilecki A. *Łemkowie. Zagadnienie migracji i asymilacji*. Warszawa: PWN, 1974. 321 s.

13. Machul-Telus B. *Wprowadzenie // Łemkowie* / Ed. by B. Machul-Telus. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2013. S. 7–10.

14. Mazur G. Problemy przesiedlenia Polaków z Ukrainy i Ukraińców z Polski w latach 1945–1946, Polska-Ukraina: trudne pytania. T.8: Materiały VIII międzynarodowego seminarium historycznego «Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej». Warszawa, 6–8 listopada 2000 / Ed. Romuald Niedzielko. Warszawa: Ośrodek KARTA, 2001. S. 15–57.

15. Michalasky S.Y. A Select Bibliography of Polish Press Writing on the Lemko Question, 1987–1993. URL: <http://www.carpatho-rusyn.org/susyn/susyn2.htm> (дата обращения: 16.01.2018).

16. Miśło E. *Akcja «Wiśła»*. Warszawa: Archiwum Ukraińskie, 1993. 1247 s.

17. Moklak J. *The Lemko Region in the Second Polish Republic. Political and Interdenominational Issues*. Kraków, 2012. PDF.

18. Moklak J. *The Lemko Region in the Second Polish Republic: Political and Interdenominational Issues, 1918–1939*. Cracow: Jagiellonian UP, 2013. 174 p.

19. Moklak J. *Political Orientations Among the Lemkos in the Inter-War Period (1918–1938): An Outline* // *The Lemkos of Poland, Articles and Essays* / Eds by Paul Best, Jarosław Moklak. Cracow; New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press, 2000. P. 27–32.

20. Pisuliński J. *Przesiedlenie ludności ukraińskiej z Polski do USSR w latach 1944–1947*. Rzeszów: Libra PL, 2009. 590 s.

21. *Przynależność narodowo-etniczna ludności* // Raport z wyników. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 2012. S. 105–107.

22. Pudło K. *Łemkowie. Proces wrastania w środowisko Dolnego Śląska 1947–1985*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1987. 197 s.

23. Pudło K. *Dzieje Łemków po drugiej wojnie światowej (Zarys problematyki) // Łemkowie w historii i kulturze Karpat*. T. 1 / ed. J. Czajkowski. Sanok: Muzeum budownictwa ludowego, 1995. S. 351–386.

24. *Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie małopolskim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków*. Warszawa: Narodowy Instytut Dziedzictwa, 2017a. 99 s.

25. Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie podkarpackim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków. Warszawa: Narodowy Instytut Dziedzictwa, 2017b. 164 s.
26. *Reinfuss R.* Etnograficzne granice Łemkowszczyzny // *Ziemia*. 1936. R. XXVI, № 10–11. S. 240–253.
27. *Reinfuss R.* Śladami Łemków. Warszawa: PTTK «KRAJ», 1990. 149 s.
28. *Reinfuss R.* Łemkowie jako grupa etnograficzna. Sanok: Muzeum Budownictwa Ludowego w Sanoku, 1998. 96 s.
29. *Smele J.D.* Historical Dictionary of the Russian Civil Wars, 1916–1926. London: Rowman & Littlefield, 2015. 1470 p.
30. *Stasiuk A.* Dziennik okrętowy // Andruchowycz J., Stasiuk A. *Moja Europa*. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec: Czarne, 2001. S. 77–140.
31. *Stasiuk A.* Dukla. Wołowiec: Czarne, 2005. 127 s.
32. *Stasiuk A.* Dziennik pisany później z fotografiami Dariusza Pawelca. Wołowiec: Czarne, 2010. 168 s.
33. *Stasiuk A.* Opowieści galicyjskie. Wołowiec, 2011. 128 s.
34. *Stasiuk A.* Nie ma ekspresów przy żółtych drogach. Wołowiec: Czarne, 2013. 176 s.
35. *Stasiuk A.* Wschód. Wołowiec: Czarne, 2014. 314 s.
36. *Stasiuk A.* Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Czarne: Agora SA, 2015, 196 s.
37. *Struminski B.* The origin of the Lemko dialect // *The Lemkos of Poland, Articles and Essay* / Eds by Paul Best, and Jarosław Moklak. Cracow and New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press, 2000. P. 101–106.
38. *Subtelny O.* Expulsion, Resettlement, Civil Strife: The Fate of Poland's Ukrainians, 1944–1947 // *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948* / eds by Philipp Ther, Ana Siljak. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 155–172.
39. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // *Русин*. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
40. *Trzeczyska P.* Łemkowszczyzna zapamiętana. Opowieści o przeszłości i przestrzeni. Kraków: W-wo JU, 2013. 446 s.
41. *Tur J.* Architektura cerkiewna // *Giemza J.* Cerkwie i ikony Łemkowszczyzny. Rzeszów: Libra, 2017. S. 107–120.

REFERENCES

1. Castler, R.D. (2005) Rusyn Movement among the Galician Lemkos. In: Custer, R.D. (ed.). *Rusyn-American Almanac of the Carpatho-Rusyn Society 2004–2005*. Pittsburgh, Pennsylvania: Slavia Printing. pp. 82–92.
2. Duć-Fajfer, H. (2001) Literatura łemkowska w drugiej połowie lat XIX i na początku XX wieku. In: *Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU*. Vol. 7. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
3. Gambal, B. (2016) Ruska Bursa wróciła do życia. In: Koprowski, M.A. (ed.) *Łemkowie. Losy zaginionego narodu*. Zakrzewo: Replika. pp. 217–238.

4. Horbal, B. (1997) *Działalność polityczna Łemków na Łemkowszczyźnie 1918–1921*. Wrocław: Alboretum.
5. Hryhor, M. (1975) Nerozwiązana ukraińska problema v Polshchi. In: Hvosda, J. (ed.) *Annals of the World Lemko Federation*. Vol. 2. Camillus, New York: World Lemkos Federation. pp. 134–152.
6. Huk, B. (2008) Ictoriya. *Nashe Slovo*. 34. pp. 21–24.
7. Jasiak, M. (2001) Overcoming Ukrainian Resistance: The Deportation of Ukrainians within Poland in 1947. In: Ther, Ph. & Siljak, A. (eds) *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948*. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers. pp. 173–196.
8. Johnstone, B. (2011) Translator's Introduction. In: Stasiuk, A. *Dukla*. Champaign, IL: Dalkey Archive Press. p. VIII.
9. Kaczyński, A. (1991) Łemków miało nie być. *Życie Warszawy*. 22nd –28th August. pp. 1, 3.
10. Kottak, C. (2006) *Mirror for Humanity: A Concise Introduction to Cultural Anthropology*. New York: McGraw-Hill.
11. Kroh, A. & Drożdżik, P. (2006) *Lemkowszczyzna / The Lemko Land*. Olszanica: Bosz.
12. Kwilecki, A. (1974) *Łemkowie. Zagadnienie migracji i asymilacji*. Warszawa: PWN.
13. Machul-Telus, B. (2013) Wprowadzenie. In: Machul-Telus, B (ed.) *Łemkowie*. Warsaw: Wydawnictwo Sejmowe. pp. 7–10.
14. Mazur, G. (2001) Problemy przesiedlenia Polaków z Ukrainy i Ukraińców z Polski w latach 1945–1946. In: Niedzielko, R. (ed.) *Polska-Ukraina: trudne pytania*. Vol. 8. Warsaw: Ośrodek KARTA. pp. 15–57.
15. Michalasky, S.Y. (n.d.) *A Select Bibliography of Polish Press Writing on the Lemko Question, 1987–1993*. [Online] Available from: <http://www.carpatho-rusyn.org/susyn/susyn2.htm> (Accessed: 16th January 2018).
16. Misilo, E. (1993) *"Akcja Wisła"*. Warsaw: Archiwum Ukraińskie.
17. Moklak, J. (2012) *The Lemko Region in the Second Polish Republic. Political and Interdenominational Issues*. Kraków: [s.n.].
18. Moklak, J. (2013) *The Lemko Region in the Second Polish Republic: Political and Interdenominational Issues, 1918–1939*. Kraków: Jagiellonian University Press.
19. Moklak, J. (2000) Political Orientations Among the Lemkos in the Inter-War Period (1918–1938): An Outlin. In: Best, P. & Moklak, J. (eds) *The Lemkos of Poland, Articles and Essays*. Kraków; New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press. pp. 27–32.
20. Pisuliński, J. (2009) *Przesiedlenie ludności ukraińskiej z Polski do USSR w latach 1944–1947*. Rzeszów: Libra PL.
21. Adach-Stankiewicz, E. et al. (2012) *Raport z wyników. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011*. Warsaw: Główny Urząd Statystyczny. pp. 105–107.
22. Pudło, K. (1987) *Łemkowie. Proces wrastania w środowisko Dolnego Śląska 1947–1985*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze.
23. Pudło, K. (1995) *Dzieje Łemków po drugiej wojnie światowej (Zarys*

- problematyki. In: Czajkowski, J. (ed.) *Łemkowie w historii i kulturze Karpat*. Vol. 1. Sanok: Muzeum budownictwa ludowego. pp. 351–386.
24. Warchoń, M. (ed.) (2017a) *Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie małopolskim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków*. Warsaw: Narodowy Instytut Dziedzictwa.
25. Warchoń, M. (ed.) (2017b) *Raport o stanie zachowania zabytków nieruchomych w województwie podkarpackim. Zabytki wpisane do rejestru zabytków*. Warsaw: Narodowy Instytut Dziedzictwa.
26. Reinfuss, R. (1936) Etnograficzne granice Łemkowszczyzny. *Ziemia*. 10–11. pp. 240–253.
27. Reinfuss, R. (1990) *Śladami Łemków*. Warsaw: PTTK "KRAJ".
28. Reinfuss, R. (1998) *Łemkowie jako grupa etnograficzna*. Sanok: Muzeum Budownictwa Ludowego w Sanoku.
29. Smele, J.D. (2015) *Historical Dictionary of the Russian Civil Wars, 1916–1926*. London: Rowman & Littlefield.
30. Stasiuk, A. (2001) Dziennik okrętowy. In: Andruchowycz, J. & Stasiuk, A. *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Wołowiec: Czarne. pp. 77–140.
31. Stasiuk, A. (2005) *Dukla*. Wołowiec: Czarne.
32. Stasiuk, A. (2010) *Dziennik pisany później z fotografiami Dariusza Pawelca*. Wołowiec: Czarne.
33. Stasiuk, A. (2011) *Opowieści galicyjskie*. Wołowiec: [s.n.].
34. Stasiuk, A. (2013) *Nie ma ekspresów przy żółtych drogach*. Wołowiec: Czarne.
35. Stasiuk, A. (2014) *Wschód*. Wołowiec: Czarne.
36. Stasiuk, A. (2015) *Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką*. Czarne: Agora SA.
37. Struminski, B. (2000) The origin of the Lemko dialect. In: Best, P. & Moklak, J. (eds) *The Lemkos of Poland, Articles and Essays*. Kraków; New Haven: Carpatho-Slavic Studies Group and Historia Jagellonica Press. pp. 101–106.
38. Subtelny, O. (2001) Expulsion, Resettlement, Civil Strife: The Fate of Poland's Ukrainians, 1944–1947. In: Ther, Ph. & Silja, A. (eds) *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948*. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers. pp. 155–172.
39. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
40. Trzeczcyńska, P. (2013) *Łemkowszczyzna zapamiętana. Opowieści o przeszłości i przestrzeni*. Kraków: W-wo JU.
41. Tur, J. (2017) Architektura cerkiewna. In: Giemza, J. *Cerkwie i ikony Łemkowszczyzny*. Rzeszów: Libra. pp. 107–120.

Веретюк Оксана – профессор, доктор философских наук, заведующая отделом компаративистики Жешувского университета (Польша).

Oksana Weretiuk – University of Rzeszów (Poland).

E-mail: neofilologia.ch@ur.edu.pl